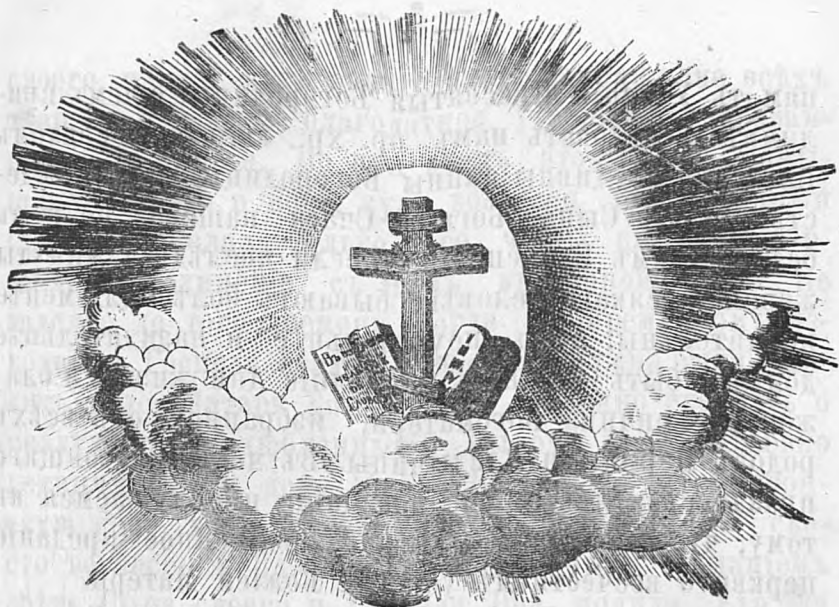

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Сентября. № 17. 1878 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Б Е С Ъ Д А

въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

*Дивны Твоя тайны, Богородице! Вышняго
престолъ явилася еси, Владычице, и отъ
земли къ небеси престоавилася еси днесь.
Стихира праздника.*

Въ настоящій день, среди молитвенныхъ пѣсно-
пѣній Церкви, ублажающей священную и славную

память Успенія Пресвятыя Богородицы, о чемъ приличнѣе бесѣдовать намъ, бр. хр., какъ не о святомъ Ея успеніи? Дивны тайны Богородицы не въ рождествѣ только Сына, Бога и Спаса нашего, но и въ безсмертномъ Ея успеніи. И если послѣднія минуты жизни и всякаго человѣка бываютъ болѣе или менѣе поучительны: тѣмъ поучительнѣе и назидательнѣе должны быть для насъ послѣдніе дни жизни и блаженная кончина Богоматери, избранной отъ всѣхъ родовъ Царицы и Владычицы. Въ честь настоящаго празднества и въ наше назиданіе прислушаемся къ тому, что сохранило для насъ священное преданіе церкви о всечестномъ успеніи Божіей Матери.

Извѣстно изъ Евангельской исторіи, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ во время крестныхъ страданій на Голгоѣѣ поручилъ пречистую Матерь свою попеченію возлюбленнаго ученика своего Іоанна Богослова, который послѣ того и принялъ Ее въ свой домъ *) Подъ видимымъ попечительствомъ возлюбленнаго ученика Іисусова и невидимымъ оѣненіемъ Божественнаго промысла пресвятая Богоматерь и Дѣва всю остальную жизнь свою, по вознесеніи Господа на небо, провела такъ, какъ проводятъ жизнь странники, съ нетерпѣніемъ желающіе возвратиться на родину. Во все это время, продолжавшееся по свидѣтельству священнаго преданія около пятнадцати лѣтъ **), Матерь Господа конечно не безъ благодатнаго утѣшенія видѣла возрастающую силу и славу юной Церкви Божественнаго Сына

*) Іоан. XIX. 26 и 27.

**) Слѣд. Псалт. 15 авг.

своего, и Сама, какъ благодатствованная паче всѣхъ тварей, подавала благодатное утѣшеніе увѣровавшимъ во Христа. Но при всемъ этомъ Она помышляла только о небѣ, куда вознесся Божественный Сынъ Ея; желала только того, чтобы скорѣе совершилось соединеніе съ Нимъ въ вѣчной жизни. Не задолго до того времени, когда по премудрому изволенію Господа святая душа Ея должна была оставить тѣло, Матерь Божія стала особенно скорбѣть о разлукѣ съ возлюбленнымъ Сыномъ и каждодневно уединялась изъ дома Іоанна Богослова на Елеонскую гору, которую избралъ Господь мѣстомъ своего вознесенія. Здѣсь, горя пламеннымъ желаніемъ зрѣть Сына своего и Господа, Она молила Его, да возметъ Ее скорѣе къ себѣ, въ горнія селенія небесной радости. Сюда же, за три дня до Ея успенія, Господь благоизволилъ послать къ Ней небеснаго вѣстника радости, Архангела Гавріила, повелѣвъ ему возвѣстить причистой Дѣвѣ и Матери приближающійся смертный часъ и въ знакъ ожидающаго Ее вѣчнаго блаженства на небесахъ вручить Ей финиковую вѣтвь изъ рая. Небесный вѣстникъ явился, возвѣстивъ повѣленное отъ Господа, открылъ Богоматери и ту волю Его, согласную съ Ея желаніями, что не коснется Ея область геенская, что соберутся къ преставленію Ея всѣ Апостолы, и что не увидитъ Она князя тмы и страшилищъ его въ часъ своего исхода, но Самъ Сынъ Ея и Богъ съ своими Ангелами, придетъ и приметъ душу Ея на свои руки. Обрадованная этою небесною вѣстію пресвятая Богородица поклонилась до земли Сыну своему и Господу. Небесный вѣстникъ сокрылся. Лице Ея озарилось

сіяніемъ свѣта; а въ пречистыхъ рукахъ Ея осталась райская вѣтвь, какъ сѣмволъ блаженнаго безсмертія.

Съ этой минуты все, что происходило въ земномъ жилищѣ Богоматери, приняло видъ наступающаго священнаго и торжественнаго событія. Св. Іоаннъ Богословъ и братъ Божій Іаковъ, первый епископъ Іерусалимскій, узнавъ о наступающей кончинѣ Богоматери, возвѣстили о томъ всѣмъ сродникамъ Ея. Всѣ чувствовали и понимали, что лишаются общей Матери, подававшей всѣмъ требовавшимъ благодатное утѣшеніе, и потому не могли не скорбѣть о сиротствѣ своемъ. Но пресвятая Матерь убѣждала ихъ не сокрушаться, а радоваться о Ея исходѣ, потому что по успеніи Она будетъ ближе къ Сыну своему и Господу, будетъ зрѣть Его лицомъ къ лицу: за всѣхъ будетъ молить Его милосердіе, и весь міръ будетъ посѣщать, назирать и помогать страждущимъ. Завѣщавъ такимъ образомъ любовь свою, помощь и ходатайство, всѣмъ вѣрующимъ во Христа, пресвятая Дѣва и Матерь указала все, что нужно было приготовить къ Ея погребенію, и заповѣдала положить тѣло свое въ Геосиманской вѣси, гдѣ погребены были праведные Ея родители и обрученникъ Ея Іосифъ. Остальное затѣмъ время Она преимущественно употребила на молитвенное приготовленіе къ своему исходу.

Близокъ уже былъ послѣдній часъ преставленія Божіей Матери. Нужно было теперь, чтобы въ земное жилище Богоматери, отходящей къ Сыну своему и Богу, предсталъ, какъ уже и было предвозвѣщено, ликъ Апостоловъ, разошедшихся по всему міру для проповѣди Евангелія. *Подобаше, воспѣваетъ нынѣ*

святая церковь, самовидцемъ Слова и слугамъ, и еже по плоти Матери Его успеніе видѣти, конечное елико на Ней таинство, яко да не токмо еже отъ земли Спасово восхожденіе узрѣтъ, но и Родивія Его преставленію свидѣтельствуютъ *). Бывъ восхищены Божественною силою, подобно тому, какъ восхищены будутъ оставшіеся въ живыхъ при кончинѣ міра на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ **), св. Апостолы не замедлили достигнуть жилища Богоматери. Благоговѣйно войдя въ храмину, и узрѣвъ свѣтоносное и исполненное радости лице святѣйшей Матери и Дѣвы, готовящейся къ своему исходу, смиренно поклонились Ей, и стали лобызать Ея руки, говоря: „Благословенна Ты отъ Господа, сотворшаго небо и землю“. Она же отвѣчала: „миръ вамъ, братія, избранные отъ Господа,“ и узнавъ, какъ они прибыли, прославила благодарно Бога Сына своего.

Настала, наконецъ, священная и торжественная минута божественнаго преставленія Матери Божіей. Богоматерь, окруженная Апостолами, творящими молитвы, возлежала на украшенномъ ложѣ, близъ коего возжены были свѣтильники. Внезапно храма наполнилась чуднымъ свѣтомъ. Господь, Царь славы, въ небесномъ величїи, окруженный Ангелами, сопровождаемый праотцами и пророками, предсталъ къ смертному одру пречистой Матери, принялъ святую душу Ея въ свои руки и вознесъ ее въ небесное жилище къ Богу Отцу при пѣніи ликовъ Ангельскихъ. Удостоились ли видѣть это славное явленіе

*) Лит. стих. праздника.

**) Солун. IV. 17.

Господа всѣ, находившіеся въ храминѣ, или только св. Апостолы, не извѣстно; но конечно узрѣла Сына и Господа Матерь Его, и всѣ могли видѣть, какъ Она безъ малѣйшаго страданія предала душу свою въ руки Его, и какъ бы сладкимъ сномъ уснула. Окружавшіе смертный одръ Богоматери святые Апостолы, приникнувъ къ возлежавшему на немъ тѣлу Пречистыя, съ умиленіемъ лобызали его и видѣли свѣтло сіяющимъ лице Богоматери. Всѣ притекавшіе къ одру Ея и лобзавшіе честное тѣло исполнялись небесной сладости, а одержимые разными недугами исцѣлялись.

Но не все еще совершилось *конечное*, *елико на Ней таинство*. Послѣ того, какъ живоносное тѣло Богоматери съ подобающею честію, при явленіи многихъ чудесъ, погребено было св. Апостолами въ Геосиманской пещерѣ, пришелъ въ Іерусалимъ не послѣдній по смотрѣнію Божію къ честной и славной кончинѣ Богоматери св. Апостолъ Ѳома. Онъ скорбѣлъ душою, что несподобился послѣдняго цѣлованія пречистаго тѣла. Въ третій день по успеніи, прочіе Апостолы, по просьбѣ Ѳомы, рѣшились открыть гробъ, и удивились, что не нашли въ немъ безцѣннаго сокровища,—тѣла Пречистыя: во гробѣ оставалась одна погребальная одежда и разливалось чудное благоуханіе. Съ любовію облобызавъ сію одежду, оставленную какъ бы въ залогъ утѣшенія, они взяли для храненія эту святыню, и желая знать, куда сокрылось тѣло Богоматери, молились, да откроетъ имъ это Господь. Вечеромъ возлежа за трапезою всѣ они слышали необыкновенно сладостное пѣніе; когда же подняли взоры свои, то узрѣли на воздушной

высотѣ пресвятую Богородицу, живую, со множествомъ Ангеловъ въ неизреченномъ сіяніи стоящую и глаголющую имъ: „радуйтесь; я съ вами во вся дни“! Обрадованные они воскликнули: „Пресвятая Богородице, помогай намъ!“ и увѣрившись, что Матерь Божія въ третій день воскресла, и по благодати Сына своего взята съ тѣломъ на небо, увѣрили въ томъ и всю церковь вѣрующихъ *).

Живоносенъ, свѣтѣль и прекрасенъ гробъ Христовъ. Что такое и гробъ Приснодѣвы, Матери Божіей, бр. хр!? Не есть ли онъ точное подобіе гроба Христова?— Нѣтъ въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ тлѣнія и разрушенія. Живоносное тѣло пречистой Дѣвы и Матери хотя и было положено во гробъ, но преисполненное святыни и благодати Духа, не познавъ тлѣнія и разрушенія, прославлено божественнымъ переселеніемъ на небо. „Царь и Богъ всего,—такъ поетъ нынѣ св. Церковь“,—показалъ на Ней дѣла сверхъестественныя: ибо, какъ въ рожденіи сохранилъ Онъ Ее Дѣвою, такъ и во гробѣ тѣло Ея соблюлъ не тлѣннымъ и прославилъ чрезъ божественное преселеніе, воздавъ Ей честь, какъ Сынъ Матери“ **).

Вотъ, бр. хр., поучительное и утѣшительное воспоминаніе о всечестномъ и славномъ успеніи Божіей Матери!—„Дивны Твоя тайны, Богородице! Вышняго престолъ явилася еси, Владычице, и отъ земли къ небеси представилася еси днесь.“ Пресвятая Дѣва, Матерь Божія, въ безсмертномъ своемъ успеніи *паче естества повинулась естественному закону смерти,*

*) Изъ Четив-Минеи.

**) Троп. въ пѣсни канона Успенію.

подобаящися Творцу своему и Сыну, какъ выражено въ одной изъ церковныхъ пѣсней *). И по крайнему своему смиренію Она не восхотѣла инымъ какимъ либо путемъ отойти ко Господу, но именно путемъ смерти и гроба, чтобы и намъ, какъ причастникамъ благодати Христовой, подать примѣръ со всею преданностію въ волю Божію, съ вѣрою во Христа и въ надеждѣ воскресенія срътать послѣдній, смертный часъ. Но что особенно важно для насъ, бр. хр., въ предложенномъ повѣствованіи о всечестномъ успеніи Божіей Матери, это Богоматернее Ея завѣщаніе. „Не имамъ оставить васъ въ сиротствѣ“, изрекла Она плакавшимъ и болѣзновавшимъ о Ея успеніи, „не точію же васъ, но и весь міръ имамъ посѣщати, назирати и помоществвати страждущимъ“ **). Это Богоматернее завѣщаніе возбуждаетъ несомнѣнную увѣренность, что милосердый взоръ Царицы небесной простертъ теперь и на насъ, молящихся въ этомъ храмѣ; что Матерь Божія и Матерь всего рода христіанскаго хотя и подверглась естественному закону смерти, но и по смерти жива и не оставила міра, не потому только, что непрестанно молится о насъ Христу и Богу, царствуя на небесахъ, но и потому, что благодатными своими посѣщеніями имѣетъ самыя близкія и дѣйствительныя отношенія къ нашему земному міру, какъ Матерь присущая своимъ дѣтямъ и всегда готовая подать помощь и утѣшеніе всякому вѣрующему и требующему.

*) Троп. 1-й пѣсни канона Успенію.

**) Изъ Четив-Минеи.

„Притечемъ убо прилѣжною молитвою къ Матери Божіей и нашей, грѣшнии и смиренніи, и припадемъ въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице, помози на ны милосердовавши; потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній; не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо и едину надежду имамы *)“. Аминь.

Каѳедральный протоіерей Ѳеодоръ Пантелѣевскій.

Изглядъ на происхожденіе суевѣрій и предразсудковъ

Опытъ историко-психологическаго объясненія происхожденія идолопоклонства **).

Если въ основаніи олицетворенія всей вещественной природы, животныхъ и растений, о которомъ мы говорили выше, лежитъ поклоненіе дикарей душамъ ихъ умершихъ предковъ, вождей и старѣйшинъ: то не изъ этого ли источника произошло и самое идолопоклонство? Дѣйствительно, идолопоклонство произошло отъ умиловивленія дикарями умершаго, — настолько же естественно, на сколько всякое слѣдствіе естественно вытекаетъ изъ своей причины, такъ что въ данномъ случаѣ можно прослѣдить даже весь ходъ идей, которыя привели дикаря къ созданію идоловъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что мы говорили объ отношеніи дикарей къ своимъ умершимъ предкамъ, вождямъ и старѣйшинамъ; мы видѣли, что

*) Церк. пѣснь Богородицѣ.

**) Продолженіе См. № 15-й.

дикари убѣждены въ возможности умершихъ и всячески покровительствовать живымъ, и всячески вредить имъ,—почему и старались всѣми способами умилостивлять ихъ; но такъ какъ дикарь не могъ представить себѣ кого либо изъ умершихъ въ отдѣльности отъ тѣла: то это умилостивленіе умершихъ естественно переносилось дикаремъ и на сохраняемыя тѣла умершихъ. Отсюда недалеко было и до того заключенія, что чѣмъ ближе дикарь будетъ находится къ своему покровителю, тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, онъ будетъ избавленъ отъ всякихъ опасностей, и, стало-быть, хорошо было-бы всегда имѣть при себѣ своего покровителя,—а это, по его мнѣнію, очень возможно. Стоитъ только припомнить здѣсь, какъ дикарь смотрѣлъ на свойства какого либо предмета; по его мнѣнію, всякое свойство предмета соприуще и каждой его части; слѣдовательно, онъ заключаетъ, что если душа человѣка можетъ присутствовать въ тѣлѣ умершаго, сохраненномъ во всей его цѣлости, то она можетъ присутствовать также и въ каждой изъ сохраненныхъ частей этого тѣла. Отсюда желаніе дикарей сберечь для ношенія при себѣ какую либо часть изъ тѣла умершаго,—желаніе, давшее начало множеству, такъ—называемыхъ, амулетовъ, или волшебныхъ привѣсокъ. Такъ на Сандвичевыхъ островахъ кости ногъ, рукъ, а иногда даже и черепа королей и главныхъ вождей носятъ ихъ потомками въ той увѣренности, что духи этихъ покойниковъ бодрствуютъ надъ ними и охраняютъ ихъ отъ разныхъ бѣдствій. Кризы же носятъ кости и волосы умершихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. А у Карибовъ и у нѣкоторыхъ племенъ Гвіаны, послѣ

смерти чело́вѣка, его вычищенные кости распредѣляются между его родственниками. Тасманійцы также заботятся достать себѣ кость отъ черепа, или отъ руки всякаго умершаго родственника. У андаманезцевъ же можно постоянно видѣть вдовъ съ черепами ихъ умершихъ мужей, повѣшенными у нихъ на шеѣ. Ландеръ говоритъ, что у короля Адоли въ Бадагри находится черепъ отца его въ глиняномъ сосудѣ, къ каковому черепу король обращается съ нѣжными укорами всякій разъ, когда его успѣхъ несоотвѣтствуетъ его ожиданіямъ. Манданы, по разсказамъ Каплина, ставятъ черепа своихъ покойниковъ въ кругъ, и каждая жена знаетъ черепъ своего покойнаго мужа или ребенка, и рѣдко проходитъ день, чтобъ она не посѣтила его съ блюдомъ самаго лучшаго кушанья, а въ ясный день можно видѣть во всякомъ часу дня множество женщинъ, лежащихъ во кругъ череповъ своихъ умершихъ мужей и родственниковъ, и разговаривающихъ съ ними, какъ бы съ живыми людьми. — Но какой же переходъ отсюда къ поклоненію идоламъ, въ собственномъ смыслѣ слова? Переходъ этотъ въ дѣйствительности есть. Дѣло въ томъ, что съ тою же цѣлю умиловленія и расположенія къ себѣ душъ умершихъ людей во многихъ случаяхъ дикари употребляли изображенія усопшаго, сдѣланное частію изъ его останковъ, а отчасти изъ другихъ веществъ, въ той увѣренности, что душа умершаго присутствуетъ и въ этомъ изображеніи его. Такъ, по свидѣтельству Ланда, юкатанцы отрѣзывали головы древнимъ повелителямъ Кокома, послѣ ихъ смерти, и за тѣмъ очищали ихъ отъ мяса, послѣ чего отпиливали верхуш-

ку черепа, оставляя лишь переднюю часть съ челюстями и зубами; потомъ, съ помощью извѣстнаго цемента, они воспроизводили на этихъ получерепахъ отнятыя прочь мясныя части, стараясь при этомъ сдѣлать каждую голову насколько возможно похожею лицомъ на ея прежняго владѣльца. Послѣ того ставили эти головы съ пенломъ умершаго въ своихъ хижинахъ и воздавали имъ величайшее поклоненіе, а при пиршествахъ имѣли обыкновеніе предлагать имъ пищу. Въ другихъ случаяхъ они дѣлали деревянные статуи, представлявшія ихъ отцовъ, при чемъ затылокъ такой статуи бывалъ выдолбленъ внутри; въ эту пустоту они клали пенель отъ сожженнаго трупа, и потомъ закрывали ее кожей, снятой съ затылка трупа. Мексиканцы же употребляли другой способъ соединить съ изображеніемъ усопшаго кое что изъ его останковъ. Такъ, послѣ сожженія своего усопшаго повелителя они тщательно собирали пенель и смѣшавъ его съ человѣческою кровію въ родъ тѣста, или размазни, дѣлали изъ него изображеніе усопшаго, каковому изображенію и поклонялись. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ пенель усопшаго сохранялся въ глиняномъ сосудѣ, имѣвшемъ человѣкообразную форму. Далѣе, есть случаи, когда поклоненіе останкамъ умершаго въ соединеніи съ представляющимъ его изображеніемъ основывалось не на томъ, что такое изображеніе заключало въ себѣ эти останки, но на томъ, что оно находилось въ непосредственной близости отъ нихъ. Такъ мексиканцы, по словамъ Гомары, часть волосъ и зубы умершаго короля запирали въ ящикъ и ставили надъ нимъ деревянную фигуру, изображавшую покойника, которой они и поклонялись, какъ

самому королю, и предъ которой дѣлали большія жертвоприношенія. Наконецъ, какъ на переходныя формы, укажемъ на тѣ случаи, когда погребальныя умиловителныя обращаются прямо къ изображенію, которое вполне замѣняетъ усопшаго. Для примѣра, укажемъ на тѣхъ же мексиканцевъ, которые въ случаѣ, если трупы людей, убитыхъ въ битвѣ, не могли быть отысканы, дѣлали изображенія ихъ, и послѣ отданія имъ надлежащихъ почестей, сжигали ихъ, какъ бы самыя трупы, и погребали непелѣ. Точно такъ же они дѣлали изображенія утонувшихъ и безъ вѣсти пропавшихъ людей, предъ этими изображеніями поклонялись и приносили изобильныя жертвы. Въ Африкѣ, по рассказамъ Бастіана, когда тѣло умершаго короля Конго бальзамируется, въ его дворцѣ ставится деревянная статуя, его изображающая, которая ежедневно снабжается пищею и питьемъ. Нѣкоторые же изъ обитателей Папуанскихъ острововъ послѣ того, какъ трупъ умершаго зароется въ могилѣ, собираются вокругъ его изображенія и приносятъ ему въ жертву разные съѣстные припасы. Всѣ подобные обычаи дикарей столь глубоко лежали въ ихъ представленіяхъ и столь сроднились со всѣмъ ихъ бытомъ, что долго удерживались, хотя въ мало измѣненной формѣ, даже у цивилизованныхъ народовъ, и притомъ не очень древнихъ. Такъ, погребеніе французскаго короля Карла VI въ хроникахъ (см. у Монстреле) описывается слѣдующимъ образомъ: надъ гробомъ находилось изображеніе умершаго короля, увѣнчанное золотою короною, украшенною алмазами, въ рукахъ у него было два щита,—одинъ золотой, а другой серебряный; на рукахъ были надѣты бѣлыя

перчатки, а пальцы были унизаны драгоценными перстнями. Это изображеніе было одѣто въ золототканную одежду... Въ этомъ видѣ онъ былъ торжественно отнесенъ въ соборъ Парижской Богоматери. Такой же обычай былъ наблюдаемъ и по отношенію къ принцамъ царствующаго дома. Вотъ что передаютъ объ отцѣ великаго Конде: изображенію этого принца прислуживали въ теченіе трехъ дней (послѣ смерти его), какъ того требовалъ обычай; первоначально было даже въ обычаѣ подавать такому изображенію пищу въ урочные часы въ продолженіе цѣлыхъ сорока дней. Монстреле описываетъ подобную же фигуру, игравшую такую же роль при погребеніи англійскаго короля Генриха V. Говорятъ, что изображенія многихъ англійскихъ королей, бывшія предметомъ такихъ же погребальныхъ почестей, сохранялись въ Вестминстерскомъ аббатствѣ до тѣхъ поръ, пока не пришли въ полное разрушеніе.... Но какой же смыслъ имѣли въ древности всѣ подобныя изображенія, о которыхъ мы вели рѣчь свою? Намъ кажется, что послѣ всѣхъ, приведенныхъ выше примѣровъ,—послѣ того въ добавокъ, какъ мы знаемъ еще, что береговые негры, въ нѣкоторыхъ округахъ, ставятъ надъ могилами глиняныя изображенія усопшихъ, что арауканцы ставятъ на могилѣ чурбанъ, грубо обтесанный въ видѣ человѣческой фигуры, что послѣ ново-зеландскаго вождя жители воздвигаютъ ему памятникъ, въ видѣ деревянной человѣкообразной фигуры отъ 20 до 40 футовъ вышиною,—намъ кажется, повторимъ, что послѣ всего этого нельзя не придти къ заключенію, что изображеніе умершаго человѣка въ данномъ случаѣ есть не что

иное, какъ зачаточная форма идола. Впрочемъ, въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ, если мы укажемъ на примѣры *постояннаго поклоненія* дикарей человѣческому изображенію, а такіе примѣры существуютъ. Такъ Акоста рассказываетъ о перуанцахъ, что у каждаго короля ихъ, при его жизни, имѣлась каменная фигура, изображавшая его самого и называвшаяся „братъ“. Этой фигурѣ воздавалось такое же божеское поклоненіе, какъ и самому королю (Инкѣ), какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти. Точно такъ же и Андагойа рассказываетъ: когда умиралъ повелитель дикарей (у перуанцевъ), его домъ, жены и слуги оставались въ томъ же положеніи, какъ и при его жизни; немедленно изготовлялась золотая статуя, изображавшая умершаго повелителя, и этой статуѣ прислуживали такъ, какъ будто бы она была живая; въ ея пользу отчислялось нѣсколько деревень, которыя должны были снабжать ее одеждою и другими житейскими необходимостями. Подобнымъ же образомъ и юкатанцы воздавали божеское поклоненіе изображенію человѣка, или идолу. Не забудемъ также сказать и про остяковъ, которые послѣ смерти своего родственника дѣлаютъ въ честь его грубое деревянное изображеніе, представляющее покойнаго. Это изображеніе ставится въ юртѣ, и ему оказываются божескія почести. Этотъ родъ богопоклоненія по отношенію къ умершему продолжается, смотря по указанію жреца, не менѣе трехъ лѣтъ. Потомуки же умершихъ жрецовъ сохраняютъ ихъ изображенія даже изъ поколѣнія въ поколѣніе.... Итакъ несомнѣнно, что изображеніе покойника развивается у дикарей въ послѣдствіи въ идола! Поклоненіе

этому изображенію, продолжающееся въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ постояннымъ, и тогда-то оно переходитъ у дикаря уже въ установленное обычаемъ и преданіемъ правильное идолопоклонство, которое подѣ конецъ развивается въ сложные и вычурныя религіозныя церемоніи, выполняемыя въ храмахъ предѣ статуями, наводящими ужасъ....

Чтобы понять, что дикари могли самымъ естественнымъ путемъ придти къ такому результату, мы должны въ дополненіе къ сказанному только припомнить то, какъ они смотрѣли и смотрятъ вообще на изображенія людей, съ какими чувствами относятся къ нимъ. А для этого стоитъ лишь сравнить средныя съ ними чувства, производимыя изображеніями въ нашей цивилизованной средѣ. Кому неизвѣстно, съ какою любовію и нѣжностію мы относимся къ изображеніямъ близкихъ намъ, съ какимъ почтеніемъ смотримъ на изображенія людей великихъ и уважаемыхъ? Очевидно, въ этомъ случаѣ мы находимся подѣ вліяніемъ ассоціаціи между кажущимся и дѣйствительнымъ; но надобно знать, до какой степени сильно иногда бываетъ это вліяніе. Въ иныхъ случаяхъ, особенно когда предѣ глазами нашими находится хорошее изображеніе, эта ассоціація до того сильно возбуждаетъ въ насъ мысль о живой дѣйствительности, что мы никакъ не можемъ изгнать ее изъ своего сознанія. Такъ есть люди, которые не могутъ заснуть въ той комнатѣ, въ которой на стѣнахъ висятъ портреты. Хотя такіе люди очень хорошо знаютъ, что портреты состоятъ только изъ холста и красокъ, но этого знанія бываетъ недо-

статочно, чтобы прогнать мысль о чемъ-то большемъ, о чемъ-то живомъ,—мысль, которая невольно, неотвязчиво возникаетъ у нихъ подъ вліяніемъ сильно дѣйствующей ассоціаціи между кажущимся и дѣйствительнымъ. Если же и въ наше время въ обществахъ высокой образованности встрѣчаются такіе примѣры отношенія къ изображеніямъ: то что надобно предположить о дикаряхъ глубокой древности, или современныхъ, у которыхъ не только нѣтъ никакой культуры, но даже не возникло никакихъ общихъ представленій о свойствахъ предметовъ, о законахъ и причинахъ явленій, нѣтъ никакихъ различій между естественнымъ и неестественнымъ, возможнымъ и невозможнымъ? Понятное дѣло, что у нихъ присутствіе какого нибудь изображенія, подъ вліяніемъ одного и того же для всѣхъ психическаго закона ассоціаціи представленій, явится какъ присутствіе живаго существа, и такъ какъ при этомъ въ ихъ умѣ не возникаетъ никакой борьбы противъ установившихся понятій, то это неправильное внушеніе чувствъ, не встрѣчая себѣ никакого сопротивленія, превращается въ прочное убѣжденіе, или вѣрованіе, что мы и видимъ у дикарей въ дѣйствительности. Такъ, по свидѣтельству Кетлина, манданы думаютъ, что жизнь, вложенная въ картину, отнимается въ извѣстной мѣрѣ у оригинала; самого Кетлина, умѣвшаго дѣлать изображенія ихъ, провозгласили величайшимъ лекаремъ за то, что онъ умѣлъ, по ихъ словамъ, дѣлать *живыя существа*... Про малагазцевъ Эллисъ рассказываетъ, что, когда друзья владѣтельнаго принца ихъ увидѣли фотографическій его портретъ, то тотчасъ сняли шапки и привѣт-

ствовали его приличными словами, какъ-бы живаго. У йорубовъ мать по смерти своего ребенка дѣлаетъ деревянное изображеніе его, и когда она ѣстъ, то подноситъ кусочекъ своей пищи и къ губамъ истукана. А про самоѣдовъ Бастіанъ рассказываетъ, что они при каждой трапезѣ своей откладываютъ часть пищи и ставятъ ее предъ изображеніемъ умершаго; если это изображеніе представляетъ умершаго супруга, то вдова время отъ времени даже обнимаетъ его. Кромѣ того, когда самоѣдъ отправился куда нибудь далеко, то его родственники поворачиваютъ своего идола лицомъ въ ту сторону, куда онъ ушелъ, чтобы идолъ могъ смотрѣть за нимъ въ пути и охранять его. Отсюда понятно, почему нѣкоторые изъ дикихъ племенъ, напримѣръ, ицаексы при набѣгахъ своихъ всегда совѣтовались съ своимъ идоломъ и въ случаѣ неоправдавшагося совѣта его поступали съ нимъ, какъ съ провинившимся, и били его даже какъ бы живаго,—или же всячески ругали. Чинуки также приписываютъ портретамъ сверхъестественный характеръ и смотрятъ на нихъ съ тѣми же самыми обрядами и церемоніями, какъ и на мертвеца. Оканаганы же потому и имѣютъ отвращеніе къ снятію съ нихъ портретовъ, что думаютъ, будто ихъ жизнь перейдетъ въ эти изображенія. Чтобы показать, какъ долго держатся идеи подобнаго рода, или, по крайней мѣрѣ, смутныя слѣды ихъ даже между болѣе или менѣе образованными народами, приплетаясь во всей своей грубости къ обрядамъ и понятіямъ такой высокой религіи, каково христіанство, стоитъ только вспомнить рассказъ ученаго путешественника Эрмана о русскихъ обитателяхъ Иркутска. Какъ

бы ни была велика, говорить онъ, короткость, которая по здѣшнимъ нравамъ можетъ быть допущена между лицами разнаго пола, существуетъ, однако, одинъ пунктъ, къ которому они относятся съ болшею щекотливостью и который имѣетъ безусловное вліяніе на поведеніе молодыхъ женщинъ при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ. Этотъ пунктъ—суетѣрный страхъ (нерелигіозный, замѣтите!) остаться наединѣ съ своимъ соблазнителемъ *въ присутствіи иконъ*. Впрочемъ, затрудненія, зависящія отъ совѣсти этого рода, устраняются часто самымъ простымъ образомъ,—они *задергиваютъ занавѣси предъ глазами этихъ свидѣтелей*. А гдѣ получилъ начало и какой первоначально смыслъ имѣлъ современный обрядъ или обычай завѣшивать картины въ домѣ, въ которомъ случился покойникъ? Не имѣетъ ли онъ какого либо отношенія къ понятіямъ той далекой древности, о которой мы говоримъ?—Но обращаясь далѣе къ дикарямъ какъ древнимъ, такъ и современнымъ, мы должны допустить, что для нихъ изъ всѣхъ изображеній умершихъ болѣе поразительными несомнѣнно должны были казаться изображенія рѣзныя и скульптурныя, потому что высѣченное изображеніе, представляя тѣло о трехъ измѣреніяхъ, ближе подходитъ къ дѣйствительности. Если же такое изображеніе бываетъ еще раскрашено и снабжено вставными глазами, то вѣра дикаря въ то, что такое изображеніе одарено извѣстною долею жизненности изображаемаго имъ лица, получаетъ еще большую силу. Едва ли не каждому изъ насъ случалось видѣть тотъ ужасъ, который обнаруживаетъ ребенокъ, когда взрослый надѣнетъ на себя страшную маску, хотя бы эта маска

была предварительно показана ребенку, —отсюда легко представить себѣ и тотъ страхъ, который возбуждаетъ въ неразвитомъ умѣ дикаря грубое скульптурное изображеніе; такое изображеніе умершаго человѣка возбуждаетъ въ дикарѣ мысль о настоящемъ мертвецѣ, которая легко переходитъ въ убѣжденіе, что этотъ мертвецъ дѣйствительно присутствуетъ предъ нимъ. Иначе и не можетъ быть. Если, въ самомъ дѣлѣ, по вѣрованію дикарей, другое я или душа человѣка можетъ оставлять живое тѣло и снова возвращаться въ него, если эта душа можетъ возвращаться и послѣ смерти тѣла и оживлять это тѣло, —если сравнительно образованные египтяне вѣровали, что душа человѣческая послѣ многочисленныхъ переселеній снова можетъ войти въ мумію и оставить ее: то почему же духъ покойника не можетъ войти и въ его изображеніе? Такое заключеніе должно было придти дикарю совершенно естественно, —вѣдь, живое тѣло по своему строенію отличается отъ муміи еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ мумія отъ дерева; но если въ мумію душа человѣка можетъ снова войти, —тѣмъ болѣе, слѣдовательно, какъ бы такъ рассуждалъ дикарь, душа человѣка можетъ войти въ его изображеніе, какъ бы оно притомъ грубо не было сдѣлано, и какъ бы мало оно ни походило на человѣческое существо. И дѣйствительно, всякій знаетъ, что изображенія, изготовляемые дикарями, чрезвычайно грубы. Грубо обтесанный столбъ, поставленный дикаремъ на могилѣ, или маленькое каменное изображеніе, носимое имъ на шеѣ, вмѣсто настоящихъ останковъ умершаго родственника, ходитъ лишь весьма отдаленно на человѣческое су-

щество и вовсе не похоже на то лицо, памяти котораго оно посвящено. Между тѣмъ оно оказывается достаточнымъ для своей цѣли. Почему же это такъ? Какъ объяснить это странное для насъ явленіе?

Нѣтъ сомнѣнія, но себѣ мы не можемъ судить о дикаряхъ; мы настолько далеко ушли отъ нихъ по развитію, что даже и простыя явленія изъ ихъ жизни и быта иногда задрудняемся понимать вѣрно,—тѣмъ болѣе явленія, имѣющія производный характеръ. Такъ и въ данномъ случаѣ для насъ не можетъ не казаться страннымъ, хоть бы на первый разъ, то почему для дикарей не требуется, чтобы изображеніе точно походило на человѣческое существо для возбужденія у нихъ идеи о присутствіи въ немъ человѣческой души; и только послѣ уясненія себѣ ихъ основныхъ, первоначальныхъ вѣрованій, послѣ изученія состоянія ихъ умственныхъ способностей, означенное явленіе становится для насъ удобопонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на умъ дикаря,—возникло ли въ немъ хоть нѣчто похожее на то, что мы называемъ скептицизмомъ, недоумѣніемъ и т. п. А такой, какъ бы сказать, зачаточный умъ, чуждый всякаго сомнѣнія, совершенно свободно поддается даже самому слабому внушенію; поэтому, какое бы грубое изображеніе вы ни поставили на могилѣ умершаго родственника его, хотя бы даже простой чурбанъ, но сказали дикарю, что этотъ чурбанъ изображаетъ его умершаго родственника, этого было бы достаточно, чтобы дикарь сталъ считать этотъ чурбанъ дѣйствительнымъ изображеніемъ своего покойника, могущимъ вмѣщать

въ себѣ духъ его. Отсюда легко понять, что если подобные предметы по внушенію другихъ могутъ возбуждать въ дикарѣ представленія о лицахъ, будто изображаемыхъ ими; то что подобно сказать о предметахъ, имѣющихъ хоть самое отдаленное сходство съ изображаемыми лицами? Понятное дѣло, что послѣ этого и засохшее дерево, распространяющее пару оставшихся у него вѣтвей какимъ нибудь страннымъ образомъ на манеръ человѣческихъ рукъ,—и скала, боковое очертаніе которой, вырисовываясь на небѣ, нѣсколько напоминаетъ профиль человѣческаго лица, еще легче возбуждать въ умѣ дикаря мысль о человѣческомъ обитателѣ внутри каждаго изъ этихъ предметовъ. А послѣ этого надобно ли говорить, что подобныя случайныя сходства незамѣтно помогутъ дикарю перенести на множество разнообразнѣйшихъ предметовъ свое вѣрованіе въ заключающійся въ нихъ духъ,—тѣмъ болѣе, что дикарю часто попадаются такіе предметы, которые невольно приводятъ его къ заключенію о присутствіи жизни во многихъ неодушевленныхъ вещахъ. Такъ, напримеръ, въ одномъ мѣстѣ дикарь видитъ окаменѣлую раковину, въ другомъ—окаменѣлую рыбу и окаменѣвшее дерево и проч., видитъ и какъ бы такъ разсуждаетъ: если дерево, удерживая вполнѣ свое волокнистое строеніе, можетъ превратиться въ камень,—если рыба, удерживая вполнѣ свою форму, можетъ также обращаться въ камень; то и человѣкъ не можетъ ли подобнымъ образомъ превратиться въ это плотное вещество! И если изсохшее твердое тѣло муміи можетъ, по вѣрованію дикаря, принять въ себя человѣческую душу; если, далѣе, душа

человѣческая можетъ входить въ деревянное изображеніе: то не могутъ ли человѣческія души находиться и въ тѣхъ окаменѣлыхъ массахъ, которыя такъ похожи на разныя части человѣческаго тѣла, и которыя иногда дикарь находитъ въ землѣ. До какой степени тутъ дикарь могъ придти въ обманъ, можно судить по тому, что въ прошлыя времена каменные массы, находимыя въ землѣ и столь похожія по своей формѣ на человѣческія кости, повсемѣстно вводили въ обманъ даже людей образованныхъ, и подали послѣднимъ поводъ къ предположенію о существованіи въ отдаленную старину особенной расы гигантовъ. Если же въ данномъ случаѣ были введены въ заблужденіе люди образованные: то тѣмъ болѣе дикари могли подумать при этомъ, не посѣщаются ли эти каменные вещи, столь похожія на человѣческія кости, двойниками, или душами тѣхъ людей, которымъ эти останки нѣкогда принадлежали, и не могутъ ли онѣ ожить когда нибудь. Что такое заключеніе для дикаря несомнѣнно, это можно видѣть съ одной стороны изъ почитанія дикарями камней, съ другой—изъ того вѣрованія ихъ, по которому камни были когда-то людьми и современемъ они оживутъ снова въ человѣческомъ видѣ. Такъ лачизы поклонялись всякому камню, какъ богу, и говорили, дудто бы всѣ камни были когда-то людьми. По свидѣтельству Арріага, перуанцы поклоняются нѣкоторымъ высотамъ и горамъ, а также очень большимъ камнямъ, увѣряя, что они были когда-то людьми. У булломовъ женщины приносятъ камнямъ въ жертву рисъ и сами расprostираются предъ ними ницъ, камни же эти суть не что иное, какъ камни,

оставленные по смерти какого либо ихъ родственника и считающіеся обиталищемъ для его духа. Вотъ почему у многихъ дикихъ племенъ, напримѣръ, въ Вера Пацѣ, когда умиралъ какой нибудь важный человѣкъ, то первое, что дѣлалось послѣ его смерти, или при его послѣднихъ минутахъ, состояло въ томъ, что клали ему въ ротъ драгоцѣнный камень, который долженъ былъ принять въ себя душу покойника *). Тотъ же самый смыслъ заключается и въ обычаѣ мексиканцевъ, которые вмѣстѣ съ останками покойника клали драгоцѣнный камень, который по ихъ словамъ долженъ былъ служить ему на томъ свѣтѣ вмѣсто сердца или души (сердце и душа у мексиканцевъ и другихъ дикарей одно и тоже значить). Подобное же встрѣчается у новозеландцевъ и друг.. Такимъ образомъ дикари вѣрують, что духъ человѣ-

*) Приемъ, употребляемый дикарями въ данномъ случаѣ, могъ возникнуть вслѣдствіе того вѣрованія ихъ, по которому во всякой вещи, издающей запахъ, находится духъ, потому что *духъ, душа, дыханіе, запахъ, паръ* для дикаря были тождественны и могли б. ть употребляемы одно вмѣсто другого, на каковую связь ихъ указываютъ и многія словопроисхожденія въ разныхъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы сами не употребляемъ слова: *духи*, въ смыслѣ пахучаго пара, получаемаго отъ перегонки различныхъ вещей; развѣ мы не говоримъ о крѣпкомъ спиртѣ, что онъ имѣетъ сильный *духъ*, отождествляя, сами того не замѣчая, *духъ* съ *запахомъ*. Тоже замѣчается и въ другихъ языкахъ, нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и въ англійскомъ, въ которомъ для обозначенія двухъ различныхъ словъ: *духъ* и *спиртъ*, существуетъ одно слово. Поэтому для дикаря, который замѣчалъ, какъ

ческій можетъ войти даже въ безформенный камень точно такъ же, какъ онъ входитъ въ мертвое тѣло, въ мумію, или въ человѣческое изображеніе... Стало быть, обожаніе дикарями неодушевленныхъ предметовъ, одержимыхъ подобнымъ образомъ духами умершихъ, есть въ собственномъ смыслѣ обожаніе обитающихъ въ нихъ духовъ; и тѣ силы, которыя приписываются такимъ предметамъ, суть силы, приписываемыя этимъ духамъ. А разъ установившись, это понятіе начинаетъ развѣдаться по всѣмъ направленіямъ и доставляетъ объясненіе для всякой сколько нибудь замѣчательной вещи, для всякаго явленія, выходящаго изъ круга обыкновенныхъ явленій, для всего страннаго и непонятнаго, — и вотъ какимъ образомъ: когда духи умершихъ возрастаютъ въ числѣ своемъ, то по необходимости въ представленіяхъ дикаря каждый изъ нихъ утрачиваетъ свою особенную индивидуальность, которую онъ только прежде воспоминалъ ясно, а потому они начинаютъ представляться въ умѣ дикаря только какъ толпа невидимыхъ существъ до того безчисленная, что съ ними

одежда человѣка, или вещь употребляемая имъ, пропитывается его собственнымъ запахомъ, естественно было предположить, что этимъ невидимымъ жизненнымъ истеченіемъ могутъ проникаться всѣ вещи, — и стало быть, если желательно было перевести духъ умирающаго въ какое либо другое обиталище болѣе крѣпкое, чѣмъ человѣческое тѣло, то безъ сомнѣнія для этого весьма пригоднымъ окажется камень; его — то дикарь и кладетъ въ ротъ умирающему съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ въ себя его дыханіе или духъ....

ежеминутно можно сталкиваться и дома, и во всѣхъ закоулкахъ лѣсовъ, и повсюду, куда ни пойдешь; а находясь повсюду, эти невидимыя существа въ глазахъ дикаря естественно становятся причинами, приводимыми для объясненія всѣхъ сколько нибудь непонятныхъ вещей. Фактовъ для подтвержденія этого вывода находится безчисленное множество, къ какому бы дикому племени мы не обратились. Такъ, въ Африкѣ булломы смотрятъ со страхомъ, какъ на результатъ дѣятельности, рѣшительно на все, что кажется для нихъ страннымъ или необыкновеннымъ. Обитатели Конго невиданныя ими раковины называютъ „*дѣтьми бога*“, а негры племени Нуффи (на Нигерѣ), изумленные размѣрами европейскаго корабля, воздали ему божескія почести. Тоже мы видимъ и въ Полинезіи. Сани, оставленные Кукомъ и его спутниками, сдѣлались у туземцевъ предметомъ поклоненія, какъ вещь никогда ими не видѣнная. Одно кокосовое дерево въ Фиджи, раздѣлившееся противъ обыкновенія на двѣ вѣтви, было влѣдствіе этого предметомъ величайшаго поклоненія. А въ Америкѣ, по свидѣтельству Скулькрафта, сверхъестественность приписывается дикарями всему, чего они понять не въ состояніи; Чиппевейцы же, по разсказу Буханана, если чего не понимаютъ, то прямо и немедленно говорятъ: „*это духъ*“. Точно также и древніе перуанцы поклонялись всему, что только казалось имъ въ природѣ замѣчательнымъ и отличнымъ отъ другихъ, думая, что въ подобной вещи должно быть заключено нѣкоторое особое божество, или духъ. Такимъ образомъ дикарь увѣренъ, что всякій необыкновенный предметъ указываетъ на

присутствіе въ немъ нѣкотораго духа, безъ котораго такое отступленіе объ обыкновеннаго порядка вещей было бы непонятно. Такъ, когда Симонъ рассказываетъ о чинчасахъ, что они молились при озерахъ, рѣчкахъ, утесахъ, холмахъ и другихъ мѣстахъ паразитическаго или необычайнаго вида, то прибавляетъ въ объясненіе, что они дѣлали это по указанію духа, будто приказавшаго имъ молиться въ этихъ мѣстахъ. Стало быть, предметомъ поклоненія и здѣсь служилъ также духъ усопшихъ. Мы довольно подробно говорили о поклоненіи дикарей неодушевленными предметамъ, или какъ это принято называть фетишамъ, потому что между поклоненіемъ идоламъ и поклоненіемъ фетишамъ нѣтъ нисколько перерыва или скачка, какъ между явленіями, происшедшими изъ одного и того же источника. Вотъ почему часто, — какъ, напримѣръ, мы видимъ это въ Африкѣ, — фетишемъ служить для дикарей человекообразная фигура; иногда эта фигура бываетъ очень мало похожа на человека (въ родѣ нашихъ вороньихъ пугалъ), а иногда это просто есть вещь, которая можетъ считаться человѣческою только по какой нибудь связи съ человекомъ, при чемъ она принимаетъ уже болѣе характеръ амулета....

Итакъ явленіе идолопоклонства произошло у дикарей отъ поклоненія или умилоствленія ими своихъ усопшихъ родственниковъ, старѣйшинъ, вождей и т. под. Припомнимъ тотъ порядокъ идей, который мы изложили выше и который привелъ дикарей къ идолопоклонству: прежде всего дикари поклонялись и приносили жертвы недавно умершему тѣлу своего родственника, тѣлу высушенному, или муміи, — по-

томъ стали поклоняться съ жертвоприношеніями же изображенію умершаго, сдѣланному изъ его останковъ, и частію изъ другихъ веществъ,—а также изображенію умершаго, утвержденному надъ ящикомъ, заключающимъ въ себѣ его останки, наконецъ—изображенію, поставленному надъ могилою, въ которой зарытъ усопшій. Изображающая ея фигура служила предметомъ поклоненія у всѣхъ древнихъ народовъ, которыхъ цивилизація стояла даже довольно высоко, какъ, напримѣръ, у египтянъ, этрусковъ и римлянъ, и даже въ средніе вѣка. Поклоненіе этой фигурѣ умершаго съ теченіемъ времени и перешло у дикарей въ идолопоклонство съ фигурными обрядами и церемоніями, сопровождавшееся убѣжденіемъ или вѣрованіемъ, что въ идоловъ входятъ божества и по временамъ говорятъ чрезъ нихъ....

П. Озерецкій.

(Продолженіе будетъ).

Замѣтки по вопросамъ пастырской практики.

Условіе христіанскаго отпѣванія утопленниковъ.—Одинъ изъ благочинныхъ казанской епархіи въ представленіи духовному начальству изъяснилъ слѣдующее. Бываютъ такіе случаи: полиція проситъ отпѣть похристіански пойманный въ рѣкѣ Волгѣ трупъ, хотя бы и самой полиціи вовсе невѣдомо была какъ личность и вѣроисповѣданіе покойника, такъ и причина смерти его. Но такъ какъ несправедливо и грѣшно удостоивать христіанскаго погребенія такихъ покойниковъ, потому что въ числѣ ихъ могутъ быть раскольники, татары, католики,—вообще разные сектанты и инновѣрцы, и кромѣ того самоубійцы; то, представляя

вопросъ о погребеніи неизвѣстныхъ тѣлъ рѣшенію архіепископа, благочинный просилъ сдѣлать распоряженіе, которое было бы руководствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція будетъ просить о христіанскомъ погребеніи тѣлъ, безъ означенія въ своихъ объ этомъ отношеніяхъ званія, имени, фамиліи и вѣроисповѣданія покойника, а также причины смерти его. Мѣстною консисторіею, по выслушаніи вышеизложеннаго, опредѣлено: Изъ утонувшихъ лицъ погребать похристіански нужно только тѣхъ, о которыхъ извѣстно, что они утонули неумышленно, по неосторожности, или вообще отъ причинъ отъ нихъ независящихъ, и когда будетъ извѣстно ихъ жительство, имя, или по крайней мѣрѣ принадлежность умершихъ къ православному вѣроисповѣданію; въ противномъ случаѣ утопшихъ не погребать по христіанскому обряду. Въ отношеніи судебного слѣдователя или же полицейскаго чиновника вышеозначенныя свѣдѣнія должны быть обозначены; если же таковыхъ не будетъ помѣщено въ отношеніяхъ ихъ, то утонувшіе лица должны быть предаваемы землѣ помимо священниковъ. (Ц. В. № 10-й, 1878 г.).

Правила о повѣнчаніи солдатскихъ вдовъ.—Въ разрѣшеніи вопроса о томъ, можно ли руководствоваться, при совершеніи браковъ вдовъ солдатскихъ, тѣми списками убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ воинскихъ чиновъ дѣйствующей арміи, кои печатаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, или сверхъ сего требовать представленія вдовъ видовъ, *харьковскимъ* епархіальнымъ начальствомъ постановлено: отпечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, къ руководству духовенства епархіи, правила о повѣнчаніи вдовъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, съ дополненіемъ, что, согласно ст. 56-й Т. X, ч. 1-й, вдовы мужей, пропавшихъ безъ вѣсти

на войнѣ, обязаны просить епархіальное начальство о дозволеніи вступить имъ въ бракъ, съ представленіемъ документовъ, а при повѣнчаніи вдовъ прочихъ лицъ, руководствуясь первымъ и вторымъ пунктами положенія военнаго совѣта 22-го іюня 1868 года.

Правила эти слѣдующія: Военный совѣтъ, по представленію главнаго штаба, положилъ: 1) выдачу видовъ на жительство вдовамъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу послѣ 10-й ревизіи, а также тѣхъ изъ принятыхъ въ рекруты до 10-й ревизіи, которые находились въ отпуску, приписались къ город. или сельск. обществамъ, возложить на обязанность того гражд. начальства, которое снабжаетъ сими видами проч. членовъ сихъ обществъ; 2) снабженіе этими видами солд. вдовъ, мужья коихъ поступили на службу до 10-й ревизіи и умерли на службѣ или въ отпуску, не приписавшись въ городскому или сельскому сословію оставить по прежнему на обязанности подлежащихъ воинскихъ начальниковъ, и 3) 56 ст. Т. X, ч. 1-й зак. гражд., въ коей изображено: солдатскимъ женамъ дозволяется просить о расторженіи брака, если мужья ихъ, сдѣлавъ изъ мѣста службы побѣгъ, до истеченія 5-лѣтняго срока, не найдены и не зачислены по прежнему на службу. Но тѣмъ, коихъ мужья пропали безъ вѣсти на войнѣ, или взяты въ плѣнъ непріятелемъ, дозволяется вступать въ новое супружество не прежде, какъ по прошествіи десяти лѣтъ со времени, когда мужья ихъ взяты въ плѣнъ или пропали безъ вѣсти на войнѣ. При просьбахъ, подаваемыхъ ими духовному начальству о дозволеніи вступить въ новые браки, онѣ обязаны представлять отъ командировъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ свидѣтельства: о времени побѣга мужей ихъ, или же о томъ, что они взяты въ плѣнъ, или безъ вѣсти пропали на войнѣ, съ

удостовереніемъ, что бѣжавшіе по минованіи пяти, а плѣнные и пропавшіе безъ вѣсти на войнѣ по минованіи десяти лѣтъ, на службѣ не состоятъ.

О нареченіи именъ крещаемыхъ.—Православная церковь издревле сохранила благочестивый обычай не давать крещаемымъ именъ Господа Спасителя нашего Иисуса Христа и его Пречистой Матери изъ подобающаго благоговѣнія къ этимъ великимъ и приснославнымъ именамъ, по ученію слова Божія (Филип. II, 10) и по воззрѣніямъ св. Церкви (Дебольск. попеченіе правосл. Ц. о спасеніи міра, кн. 1, стр. 133, сравн. пѣснь: *Честнѣйшую херувимъ* и такъ далѣе). Вмѣстѣ съ этимъ священники, особенно сельскіе, при нареченіи дѣтей должны избѣгать именъ трудныхъ, не удобныхъ для произношенія; ибо, не привыкнувъ къ таковымъ, народъ почти всегда коверкаетъ ихъ до того, что не только часто нельзя въ нихъ узнать имени угодниковъ Божіихъ, но даже рѣшить, какое это именно имя? Не говоримъ уже о томъ, какъ долженъ быть оставленъ съ этимъ вмѣстѣ во всѣхъ отношеніяхъ недостойный обычай, въ силу котораго нѣкоторые изъ священниковъ стараются, такъ сказать, заклеить память незап. новорожденныхъ дѣтей нареченіемъ имъ именъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, не удобныхъ для произношенія и вообще не припятихъ въ общезнѣніе... Это самое опасное оскорбленіе святыни, какъ будто имена святыхъ могутъ служить для богоуказаніемъ, а тѣмъ болѣе употребляясь вѣвѣской для укоризны и наказанія. Тѣмъ болѣе при этомъ неблагоприлично давать православнымъ имена не православныя; напр. римско-католическія, протестантскія и др. Ибо имена святыхъ, какъ извѣстно, даются намъ для того, чтобы напоминать каждому изъ насъ о томъ святомъ угодникѣ, въ честь коего мы на-

именованы, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и для того, дабы въ лицѣ этого святаго мы имѣли всегда особаго небеснаго покровителя и молитвенника, и въ его жизни искали образцовъ достойныхъ особеннаго благоговѣйнаго подражанія для благоугожденія Господу (Златоустъ на кн. Бытія бесѣд. 21, въ русск. переводѣ 1851 года, стр. 375). Какимъ же образомъ могутъ быть всѣмъ этимъ для насъ святыне не православныя, коихъ и святость, всего чаще, сомнительна, а потому и заступничество свыше ненадежно... Не говоримъ уже о томъ, что въ числѣ ихъ иногда попадаются явные гонители и самые отчаянные враги православія, каковы напр. были: основатель іезуитскаго ордена Игнатій Лойола, Іоасафатъ Кунцевичъ и др.

Чтобы избѣгать разныхъ ошибокъ, могущихъ встрѣтиться при наименованіи дѣтей, священники должны справляться не только со святцами, но также и съ алфавитною росписью святыхъ, празднуемыхъ православною Церковію, которая обыкновенно помѣщается въ настоящее время во всякомъ порядочномъ календарѣ (см. также „Полный мѣсяцословъ всѣхъ празднуемыхъ святыхъ“, издаваемый при академіи наукъ, а также и въ Киевонечерской лаврѣ;—также „Сословіе именъ по алфавиту“ въ большихъ синодальныхъ Требникахъ—на концѣ и др.). Нѣкоторые при этомъ недоумѣваютъ, можно ли давать крещаемымъ имена святыхъ, не находящихся въ полныхъ святцахъ, но помѣщаемыхъ въ жизнеописаніяхъ святыхъ угодниковъ А. Н. Муравьева, архіеп. Филарета и др. На недоумѣніе это можно отвѣчать прямо, что хотя многіе изъ этихъ святыхъ и не чтутся всею Церковію, а почитаются только мѣстно, но какъ святость ихъ несомнѣнно свидѣтельствуется и нетлѣніемъ ихъ мощей и разными чудесами, совершаемыми по ихъ заступленію, то въ этомъ смыслѣ они во всѣхъ отноше-

ніхъ удовлетворяють главнымъ условіямъ, ради коихъ обыкновенно намъ даются имена святыхъ, и потому конечно и именамъ своимъ безспорно могутъ украшать вѣрующихъ, какъ и другіе общеизвѣстные угодники св. Церкви.

Накопедъ благоразуміе требуетъ, чтобы священники, наблюдая надлежащую осторожность въ дѣлѣ наименованія крещаемыхъ, избѣгали всѣми возможными мѣрами давать одинаковыя имена нѣсколькимъ дѣтямъ въ одномъ и томъ же семействѣ, хотя бы пришлось давать подобныя имена по смерти дитяти, носившаго соотвѣтствующее имя. Ибо отъ этого, какъ показываетъ опытъ, происходятъ очень часто разныя недоумѣнія, ошибки и даже злоупотребленія и безпорядки, въ особенности при отправленіи обязанностей общественныхъ. (Ц. В. № 11-й, 1878 г.).

Вышла въ свѣтъ новая книга подъ заглавіемъ: **Систематическій Обзоръ русской народно-учебной литературы**, 744 стр.

Книга эта составлена по порученію С.-Петербургскаго комитета грамотности особою комиссіей изъ специалистовъ-педагоговъ. Назначеніе этого изданія—служить *справочною книгой* при составленіи городскихъ и сельскихъ народно-учебныхъ библіотекъ и вообще для составленія нормальныхъ библіотекъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Въ составъ „Систематическаго Обзора“ входятъ а) *руководящія статьи* по каждому изъ 13 отдѣловъ книги и б) *рецензії* всѣхъ книгъ, заслуживающихъ одобренія. Книги раздѣлены по группамъ а) пособия и руководства для учителей, б) книги и пособия для учащихся. Не стоящіе одобренія изданія советѣмъ не вносились въ „Обзоръ“. Въ каждой рецензії указано: а) содержаніе книги, б) ея назначеніе и пригодность для извѣстныхъ цѣлей, в) ея достоинства и г) недостатки.

Въ содержаніе „Систематическаго Обзора“ входятъ слѣдующіе отдѣлы: I. Педагогическаго подъ ред. С. И. *Миропольскаго*. II. Законъ Божій подъ ред. св. М. И. *Соколова*. III. Родной языкъ — а) обученіе чтенію и письму С. И. *Миропольскаго*, б) русская грамматика и литература В. П. *Острогорскаго*. IV. Математическаго подъ ред. З. Б. *Вулеха*. V. Пѣніе подъ ред. С. И. *Миропольскаго*. VI. Рисованіе и Черченіе подъ ред. академика В. П. *Шеміота*. VII. Гигіена подъ ред. проф. А. П. *Доброславина*. VIII. Гимнастика подъ ред. В. Г. *Ухова*. IX. Географія подъ ред. С. Гр. *Липченко*. X. Исторія подъ ред. Я. Т. *Михайловскаго*. XI. Естествовѣдѣніе подъ ред. И. И. *Блюдохи* и К. В. *Дубровина*. XII. Сельское Хозяйство подъ ред. В. М. *Яковлева*. XIII. Сельскія судо-сберегательныя товарищества подъ ред. Н. Θ. *Фонъ-деръ-Флита*.

Обзоръ обнимаетъ собою литературу упомянутыхъ 13 отдѣловъ по 1878 годъ. Впредь до новаго изданія, Комитетъ предполагаетъ издавать ежегодно дополнительные къ „Обзору“ бюллетени съ рецензіями книгъ, вышедшихъ въ теченіе года и заслуживающихъ одобренія. Цѣна вышедшему тому 2 р., за пересылку прилагается особо 50 к. Складъ изданія при типографіи М. М. *Стасюлевича*, Вас. Остр. 2 линія, № 7, въ С.-Петербургѣ. Можно получать изданіе у всѣхъ книгопродавцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1) Бесѣда въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, прот. Θ. *Пантелѣевскаго*;—2) Взглядъ на происхожденіе суевѣрій и предрасудковъ, П. *Озерецкаго*;—3) Забѣтки;—4, Объявленіе.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { *А. Поповъ.*
Н. Смирновъ.

Дозволено цензурою. Пенза, 1 сентября 1878 г.
Цензоръ, ректоръ семинаріи, протоіерей С. *Масловскій*.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.